
К. Г. ФРУМКИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ТЕХНИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ

В реальной общественной жизни неоднократно ставился вопрос о компетентности индивида в вопросах его же собственной пользы. Существует множество технологий и видов деятельности, предполагающих принуждение людей к благу помимо их воли – гигиена и религия в этом смысле являются двумя образцами идеологий, ставящих нормативное регулирование достижений благ выше индивидуальной свободы. Либертарианцы и анархисты много пишут о правительстве и полиции, тогда как сильнейшими ограничителями свободы человека в современном обществе становятся технические и санитарные стандарты. Огромное политическое значение приобретают системы интерфейсов, играющих роль посредников между профанами и сложными техническими системами, которые редуцируют развилки решений в этих технических системах до уровня, понятного непрофессионалам.

Ключевые слова: *свобода, демократия, техника, медицина, специалисты, неспециалисты, некомпетентность, политическое, техническое, интерфейс.*

Свобода – один из самых важных (если не самый важный) лозунг политической мысли и политических движений Нового времени. Большая часть значимых социальных реформ, революций и сознательных изменений в общественной жизни Запада последних трех столетий либо преследовала цель увеличить степень и пространство свободы, либо, по меньшей мере, прикрывалась аналогичными декларациями. Свобода стала политической сверхценностью, несмотря на то что в философии в качестве «свободы воли» она остается проблемным понятием. На фоне этого грандиозного движения остается только удивляться, сколь немного объяснений того, почему собственно свобода является благом.

За многообразием формулировок по большому счету кроется всего два главных обоснования. Первое связано с тем, что свобода служит техническим условием эффективности и развития: более свободный предприниматель лучше способствует экономическому росту, более свободный творец, художник или ученый достигает

более впечатляющих результатов. Получив репутацию «ключа к эффективности», свобода смогла стать лозунгом не только бунтарей, но и элиты, однако в этом качестве она остается лишь инструментальным, вспомогательным благом по отношению к развитию.

Второе обоснование связано с тем, что свобода позволяет человеку заботиться о своей собственной пользе. Именно эта взаимосвязь ранее всего была осознана в эпоху Просвещения, когда свобода впервые была осмыслена как требующая достижения коллективная ценность. Такой классический теоретик прогресса, как маркиз Ж. де Кондорсе, требуя свободы, говорил прежде всего о необходимости того, чтобы «каждый понимал свой собственный интерес и мог беспрепятственно его соблюдать» (Кондорсе 2010: 157). Это обоснование базируется на предположении, что в конечном счете никто лучше самого индивида не может позаботиться о его пользе. Такое предположение можно назвать «презумпцией эффективности эгоизма». Вмешательство властей в частную сферу плохо потому, что власть не мотивирована так заботиться об интересах индивида, как мотивирован сам индивид, и тем более власти не чувствуют на себе последствий вмешательства в жизнь индивида. К тому же никто, кроме самого индивида, не знает всех подробностей его положения.

С этой точки зрения свобода означает устранение препятствий для мобилизации всех ресурсов индивида – включая все его интеллектуальные ресурсы – на достижение нужных именно ему благ. Когда власти влияют на решение человека, они заставляют его отклоняться от решения, которое ему кажется оптимальным. И это может служить еще одним аргументом в пользу того, почему, как говорил И. Кант, «отеческое правление», относящееся к подданным как к нуждающимся в опеке детям, есть наихудшая форма тирании.

Презумпция эффективности эгоизма вовсе не очевидна во всех случаях. В реальной общественной жизни неоднократно ставился вопрос о компетентности индивида в вопросах его же собственной пользы. Свободными поступками человек может вредить, в том числе и самому себе, он может даже погибнуть, а к возможности легкой гибели общество обычно относится отрицательно, почему и процветают в нашей цивилизации гигиена, правила дорожного движения и ограждения, установленные в местах возможного падения с высоты, не говоря уже о характерной для христианской культуры дискредитации самоубийства.

Существует множество технологий и видов деятельности, предполагающих принуждение людей к благу помимо их воли: гигиена и религия в этом смысле могут служить двумя образцами идеологий, ставящих нормативное регулирование достижений благу выше индивидуальной свободы. Медицина – современный символ некомпетентности индивидов в вопросах собственного блага. Сегодня борьба индивида за свободу может означать борьбу против мягкого вмешательства в виде навязываемого обществом потока стимулов и рекомендаций. Примером может служить борьба с курением, хотя право на курение во всех смыслах является частью индивидуальной свободы. Но не все ограничения такого рода – в том числе и в сфере борьбы с курением – имеют мягкий и рекомендательный характер. Например, во многих странах запрещена торговля человеческими органами, хотя многие добровольно согласились бы продать свою почку, но, как говорит американский экономист Г. Калабрези, подобный запрет – результат уверенности, что продавец позднее пожалеет, что совершил эту сделку. «Мы, – продолжает Калабрези (2016: 92–93), – не можем разрешить людям продавать себя в рабство или отказываться от минимального уровня образования и медицинских услуг просто потому, что считаем аморальным, когда люди так живут, неважно, что они сами об этом думают». То есть бывают случаи, когда общество считает индивида некомпетентным судить о собственном благе. Обобщая такие случаи, философ права Б. Леони (2008: 177) в начале 1960-х годов констатировал: сегодня «в целом привыкли считать вмешательство властей в дела частных лиц гораздо более полезным, чем полагали в первой половине XIX века». Со времени, когда были сказаны эти слова, ситуация только усугубилась.

Наиболее часто подобная коллизия возникает, когда дело прямо или косвенно связано с проблемами медицины и гигиены, поскольку они, с одной стороны, ведают такими важнейшими ценностями, как жизнь и здоровье, а с другой – считаются сложными и недоступными в своих тонкостях для непрофессионалов. Борьба с курением и запрет на продажу органов легко нарушают индивидуальную свободу именно потому, что связаны с медициной.

Медицина и гигиена – свидетельства того, как в современном обществе возникает проблема поверхностности выбора, т. е. разделения реальности на «переменную» часть, которую можно менять актами выбора (например, через демократические процедуры), и «постоянную» часть, управление которой узурпировано элитой,

обстоятельствами или – и именно в этом пункте происходит наибольшая дискредитация принципа презумпции эффективности эгоизма – сообществами профессионалов. Соответственно, борьбу за свободу можно истолковать как борьбу за увеличение «переменной» части социальных реалий, т. е. расширения круга предметов, которые можно изменять актами свободного выбора.

Либертарианцы и анархисты много пишут о правительстве и полиции. Между тем сильнейшими ограничителями свободы человека в современном обществе являются технические и санитарные стандарты. Если в древности, как отмечал З. Бауман, свобода была социальной привилегией, а нехватка свободы была связана с гражданской неполноценностью, то теперь большинство населения лишают права соучастия в решении важнейших для него вопросов под предлогом некомпетентности и непрофессионализма. Даже в рамках обычных политических выборов вовлечение в политическую жизнь «необразованных профанов» становится непростой проблемой, а в тех вопросах, которые считаются уделом специалистов, эта проблема даже не ставится. Ч. Тейлор в известной статье «Что не так с негативной свободой?» задается вопросом, не является ли светофор угрозой свободе, и отвечает на этот вопрос так, что вопрос о религии все-таки является для нас важным, а светофор – техническая мелочь (Тейлор 2013: 194–195). Но в том-то и дело, что технические системы расширяют свою власть за счет не попадающих в поле внимания людей мелочей, а мелочи эти накапливаются, создавая громадный мир техники, внутри и по законам которого мы все живем, делая на фоне этих законов мелочью как раз религию, но мелочью, отвлекающей наше внимание от диктатуры техники как фона, «с которым ничего не поделаешь».

Именно потому, что важнейшие ограничители человеческого поведения сопряжены со сложностью общественного устройства, связанных с социальными пространствами технических систем и задействованных в конструировании этих пространств знаний, особое политическое значение получает популяризация этих знаний. Последняя позволяет воскресить политическое отношение к сложным техническим и паратехническим регулирующим системам и осуществлять выбор по отношению к ним. Говоря шире, огромное политическое значение приобретают системы интерфейсов, играющих роль посредников между профанами и сложными техническими системами, редуцирующими развилки решений в этих технических системах до уровня, понятного непрофессионалам. Попу-

ляризация научных знаний – одна из подсистем таких интерфейсов, и это показывает, что популяризаторство является политической акцией. Конечная цель таких интерфейсов – политизация профессиональных вопросов, поскольку политика в наше время стала единственной сферой генерализации мнений широких кругов непрофессионалов и придания значимости этим мнениям.

Разумеется, разработка подобных интерфейсов – дело чрезвычайно сложное, и интерфейс всегда будет местом злоупотреблений, в частности потому, что всегда будет оставаться соблазн встроить в буфер между дилетантами и техникой «защиту от дурака», которая не позволила бы дилетантам принять заведомо ошибочное решение. Но серьезное политическое отношение не может не содержать в себе возможность ошибки (и даже роковой ошибки), поскольку возможность ошибок есть первое и главное условие права на свободу в любой области. И конечно, важнейший вопрос заключается в обеспечении соучастия широких кругов непрофессионалов в создании технических систем.

В общем и целом все эти вопросы можно считать разными сторонами одной проблемы: «раскрытия», преодоления герметичности технических регулирующих систем по отношению к обществу. За этой проблемой кроется тот факт, что взаимоотношения между профессионалами и дилетантами по сути являются формой социального напряжения, доходящего порой до социального антагонизма. На это еще в начале 1930-х годов обратил внимание О. Шпенглер, который в свойственной ему патетической манере выразил сожаление, что техника стала эзотерической, как высшая математика, вследствие чего создающие технику «водители» общества оказываются непонимаемыми и зачастую ненавидимыми массой «ведомых» (Шпенглер 1995: 486–487). В наши дни это социальное напряжение осмысливается как проблема власти экспертов, именно здесь возникает то, что Надя Урбинати (2016) называет «неполитической демократией», – системы превосходства мнения экспертов над мнением населения. Вместе с тем понятие «профессионал» шире понятия «эксперт». В конце 1970-х годов философ Х. Люббе (1989: 170–171) писал: «Мы, неспециалисты, не можем учить сапожника делать обувь. Однако судить о том, подходит ли нам изготовленная им обувь, можем мы все. Мы не должны допустить, чтобы право на это суждение оказалось в распоряжении одних лишь экспертов-идеологов, вырабатывающих цели». Если сопоставить это высказывание с современными кампаниями против

курения и алкоголизма, то можно увидеть, что Люббе, правильно поставив вопрос, недооценил источник опасности: человеческие цели определяют не эксперты-идеологи, а комплексы специальных знаний, дисциплин, нормативов и соответствующих институций, начиная с гигиены и общественного здравоохранения.

Все это чрезвычайно сложные и редко осмысливаемые обществом вопросы. В России они практически никем не осмысляются и не обсуждаются прежде всего потому, что препятствием для разгерметизации мира технических нормативов служит ревность профессионалов, считающих разработку этих систем своей привилегией и борющихся за свою автономию по отношению к правительственным бюрократам. Нет тех, кто был бы заинтересован в выстраивании сложной системы консультаций, в которых мнения профессионалов и непрофессионалов конвертировались бы друг в друга через специально настроенные буферы. Тем более профессионалы не заинтересованы в том, чтобы подчинять свою деятельность интересам и точкам зрения населения как бенефициара их деятельности. Это означает, что сообщества профессионалов становятся сегодня не меньшим, а большим врагом политической свободы, чем бюрократия. Стоит заметить, что ситуация еще более усложнится, если к сообществам профессионалов добавится еще и такой субъект принятия решений, как искусственный интеллект. Но поскольку деятельность профессионалов (например, разработчиков градостроительных законов) имеет политическое и крайне широкое значение, постольку в их работе необходимо соучастие непрофессионалов, хотя, разумеется, построение рациональной системы такого соучастия – задача непростая.

Даже в «недемократической» России наблюдается эта важная коллизия – борьба за перевод вопросов из класса политических в класс технических и обратно (именно градостроительные нормативы часто являются предметом самой острой политической борьбы). Различие между проблемами, отнесенными в тот или другой класс, не только и не столько в содержании, сколько в порядке их обсуждения. Политические вопросы обсуждаются на основе широких консультаций, в то время как технические решаются профессионалами, причем предполагается, что профессионалы подчинены некоей суровой необходимости, заключенной в логике их знаний, которая не оставляет места для выбора и альтернативных решений.

Но исключительно технических вопросов не существует, даже абсолютно необходимую и несомненную рекомендацию врача больной вправе отвергнуть. Это право чрезвычайно важно – ведь хирург обладает возможностью уговорить человека согласиться «быть зарезанным». Технические вопросы всегда находятся в зоне некоего «слепого пятна», недоступного для обсуждения большинством населения; однако они все-таки затрагивают население, поскольку касаются жизненно важных для него вопросов (например, качества продуктов питания), оказывают реальное ограничивающее действие на него, иногда в форме административной власти (например, в виде запрета перехода через железнодорожные пути). В силу этого соприкосновения с населением масса технических норм и стоящее за ней экспертное сообщество не могут не испытывать политическое давление, в частности перевод обсуждаемых специалистами профессиональных вопросов в разряд политических, обсуждаемых всеми.

Отдельная история – как бюрократические решения маскируют под технические, профессиональные, чтобы избежать их общественного обсуждения. Та же самая логика, которая лишает возможности дилетантов участвовать в решении профессиональных вопросов, может коснуться каждого, поскольку будет признано, что он некомпетентен в решении вопросов собственного блага.

Например, атомный реактор может считаться воплощением стратегически самых опасных для демократии сил как символ технократического антидемократизма. Он съедает множество общественных ресурсов, существенным образом влияет на жизнь общества, угрожает жизни и здоровью тысяч невинных людей и при этом, подобно крепости феодала, отгорожен от всего мира, к нему искусственно прегражден доступ большинства, все, что в нем происходит, подконтрольно лишь узкой избранной касте. Это настоящий замок технофеодализма.

Решение Германии о свертывании своей атомной энергетики в этом смысле внушает надежды, поскольку показывает, что политические решения, принимавшиеся во многом на уровне, доступном дилетантам, все-таки могут преодолеть и внутреннюю инерцию сложных технических систем, и даже отчасти мнение экспертного сообщества. Часто от специалистов по энергетике можно услышать, что решение немецких властей было некомпетентным и принято в угоду массовым настроениям, но именно некомпетентность сигнализирует о существовании окна возможностей для демокра-

тических процедур. Разумеется, в самой по себе некомпетентности нет ничего хорошего, но без принятия возможности некомпетентных решений невозможна и демократия. А сама «некомпетентность» может быть лишь стигматизирующим маркером, которым цеха и даже отдельные партии или школы экспертов обозначают любые решения, которые им не нравятся.

Проблема профессиональных каст побуждает мечтать об автоматизации как демократизирующей силе: хотя «полная автоматизация» вытесняет с трудового рынка соответствующие профессии и избавляет нас от зависимости от этих профессионалов, но вместе с тем она способствует равенству. Ставя вопрос шире, можно сказать, что политическое давление на мир технических профессионалов и превращение взаимоотношений между «профи» и профанами в политическую проблему будут оказывать влияние не только на выстраивание отношений между людьми, но и на развитие самой техники. Правда, это влияние можно себе представить разным по отдаленным последствиям.

Даже при наличии интерфейса управлять, осуществлять выбор по отношению к регулирующим системам возможно только тогда, когда их конструкции позволяют варьировать их параметры. Поэтому еще одним важным политическим вопросом оказывается гибкость технических систем, позволяющая им реагировать на осуществляемые людьми выборы и решения. Мир технических систем должен подстраиваться под все более разнообразное человеческое поведение, в том числе и такое, которое сегодня считается перверсивным. Первыми признаками такой адаптации служат современные средства автоматизации управления автомобилями – те, которые не устраняют водителя, но немного подправляют его, докручивая руль, если водитель ошибается. Фантастическим завершением этого тренда можно считать мир, изображенный в романе С. Лема «Осмотр на месте», где вся техносфера состоит из мириад микроскопических самодвижущихся роботов, способных коллективно принять любую форму, которая мгновенно подстраивается под человеческие поступки и вместе с тем при любом человеческом поведении исключает возможность нанесения вреда как человеку, так и самой себе. Просто нож, которым хотят зарезать ближнего, вдруг делается мягким.

Если сложная среда обладает способностью адаптироваться к любым поступкам субъекта, то таким образом она становится ресурсом для субъекта. Выбравший специфическое, нестандартное

поведение субъект совместно с подстраивающейся под это нестандартное поведение средой фактически может создать новый мир. Вообще способность подстройки под новый вызов означает открытие нового способа развития, и именно эту способность вещей развиваться в ответ на резкое изменение входящих воздействий Н. Талей назвал «антихрупкостью».

Виртуальная среда, которую человек может проектировать специально под себя или в которой он, как в компьютерных играх, получает специальные возможности и оружие, – тоже пример мира, где подстраивающаяся среда снабжает ресурсами акты свободного волеизъявления. Но самый простой и самый обыденный пример этой ситуации – свободный рынок, где поставщики товаров вынуждены подстраиваться под выбор и предпочтения покупателей, где покупатели, проявляя тем или иным образом свои предпочтения, мотивируют производителей служить им, перестраивать свои товары, разрабатывать новые способы удовлетворения потребителей.

Таким образом, на повестке дня бурно развивающегося, высокотехнологичного и все более усложняющегося общества стоит выстраивание отношений между сложными техническими системами и миром «дилетантов». Такие отношения могли бы иметь характер либо широких консультаций и демократических процедур, когда дилетанты соучаствуют в принятии технических решений, либо полуигровой подстройки технических систем под решения дилетантов, либо рынка, на котором дилетанты играли бы роль покупателей, приобретающих или отвергающих различные технические решения. Это выстраивание отношений не может быть не чем иным, кроме как острой политической борьбой, в которой главным врагом демократии будет тенденция уводить значимые вопросы из зоны внимания публики в теневой, незаметный глазу мир «профессиональных», «технических», «автоматических» решений. Эта тенденция, если ее экстраполировать, должна привести к созданию общества, в котором сложные технические вопросы настолько глубоко «спрятаны» от глаз общества – в подземные бункеры или в невидимую «эфирную» инфраструктуру, что практически не ограничивают поведение людей и не заставляют их испытывать ограничения, проистекающие от власти специалистов или автоматически действующих и располагающих искусственным интеллектом агрегатов.

Разумеется, если технической инфраструктуре действительно удастся спрятаться от глаз дилетантов, это будет чрезвычайно опасно с политической точки зрения: в этом случае большинство не будет сталкиваться с важными и влияющими на жизнь общества процессами и у них не будет стимула ни контролировать эти процессы, ни вмешиваться в них. Символическим результатом такого разделения может служить созданный в «Машине времени» Г. Уэллса мир элоев и морлоков. Точнее, этому миру может быть придумано новое, более актуальное толкование: важные технологические процессы спрятаны в подземелье под надзор специалистов-морлоков, а дилетанты-элои живут, ничего не зная про техномир, беспечно расплачиваясь за свою беспечность, становясь жертвами злоупотреблений со стороны «профи».

В чем сегодня нуждаются профаны-элои, так это в оптимизме: нельзя считать задачу их участия в решении профессиональных вопросов безнадежной. Врагом политической свободы сегодня становится «пессимизм некомпетентности».

Литература

Калабреззи, Г. 2016. *Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Кондорсе, Ж. А. 2010. *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. М.: Гос. публ. ист. б-ка России.

Леони, Б. 2008. *Свобода и закон*. М.: ИРИСЭН.

Люббе, Х. 1989. Технические и социальные изменения как проблема ориентации. В: Игнатовская, Н., Леонтьев, В. (ред.), *Философия техники в ФРГ*: сб. М.: Прогресс, с. 162–171.

Тейлор, Ч. 2013. Что не так с негативной свободой? *Логос* 2: 187–207.

Урбинати, Н. 2016. *Искаженная демократия. Мнение, истина и народ*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Шпенглер, О. 1995. Человек и техника. В: Левит, С. Я. (сост.), *Культурология. XX век. Антология*. М.: Юрист.